Священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский и Галицкий

О праве церковного отлучения, или анафематствования

Ни одно из действий церковной власти не порождало и не порождает в христианском обществе столько недоразумений, ропота и недовольства и не подвергалось и не подвергается таким нападкам со стороны свободно, но неправомыслящих людей, как наложение отлучения от Церкви, произнесение анафемы. Одни, не имея правильного понятия о значении, духе и характере церковного отлучения, смотрят на него как на действие, не соответствующее духу христианской любви, и возмущаются мнимою жестокостью, которую Церковь в данном случае доводит будто бы до крайности [1]; а другие хотя и отдают ему справедливость как внешней, дисциплинарной мере, но отрицают в нем то, что составляет существен-

[1] Бог есть любовь, — говорят они. — *Он тако возлюби мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3, 16).

ную принадлежность его, отрицают внутреннюю силу и действенность отлучения; некоторые же до того простирают посягательство свое на церковное отлучение, что, отвергая Богооткровенное происхождение церковного отлучения, называют его изобретением средних веков, порождением варварского времени, самовольно захваченным духовенством в свои руки оружием, служащим опорою для иерархического деспотизма, который якобы не хочет признавать никаких прав за подчиненными [1].

Зачем же отлучение в Его Церкви? Зачем отлучение от Бога и Христа после того, как *врази бывше, примирихомся Богу смертию Сына Его* (Рим. 5, 10)? Зачем проклятие, когда Христос *искупил ны от клятвы законныя, быв по нас клятва* (Гал. 3, 13)? Евангелие Господа Иисуса есть весть мира и любви; нигде не завещал Он в нем ненависти или вражды, но повсюду заповедует одну любовь всеобъемлющую (1 Кор. 13, 7). Церковь Православная должна быть хранительницею духа евангельского, духа Христова. Зачем же в ней отсечение от Христа, анафема (см. "Христианское Чтение", 1826 г., ч. XXII, стр. 86)? "Церковь громко должна провозглашать закон любви, всепрощения, любви ко врагам, к ненавидящим нас, молиться за всех, — с этой точки зрения непостижимо отлучение от Церкви по распоряжению Синода", — говорит графиня С.Толстая в недавнем письме С.-Петербургскому митрополиту.

[1] Эти мысли высказываются под влиянием сочинения "Recht Kirchenbannes" ("Право церковного отлучения") Перча, которое все от начала до конца дышит ненавистью и злобой против св. отцов и духовенства.

Но говорить так значит допускать такую несправедливость, больше которой трудно себе что-нибудь и представить. Ибо наказание церковного отлучения так же древне, как и сама Церковь. Существенные элементы его в нашей Восточной Православной Церкви [1] были одни и те же во все времена, а если где и были изменения и добавления, то это не более как неизбежные результаты, с внутреннею необходимостью вытекающие из первоначальных принципов и воззрений. Равным образом, при ближайшем исследовани дела не оказывается здесь ни малейшего следа жестокости, злобы и иерархического деспотизма; напротив, нигде не ограничивается так произвол и своеволие церковной власти, как в том пункте законоположения, где идет дело о применении отлучения — этого самого тяжкого из всех церковных наказаний, и ничто не совершается церковным начальством с такою скорбию, как отлучение.

В предлагаемом исследовании мы намерены раскрыть истинный смысл и значение отлучения и вопреки тем предубеждениям против

---

[1] Разумеем одну только Православную Церковь, отнюдь не защищая тех злоупотреблений правом анафематствования, какие известны нам из средневековой практики Римско-католической Церкви и где, заметим, заключается источник предубеждений против анафематствования и в нашем обществе.

церковной власти и кривотолков, которые так громко раздаются особенно после послания Св. Синода о графе Льве Толстом, доказать Божественную инициативу этого наказания, его необходимость и целесообразность и показать, что оно проистекает не из чувства ненависти и злобы, а из христианской любви, сострадания и милосердия, и в отношении гуманности стоит несравненно выше всех постановлений новейшего уголовного уложения.

Понятие о церковном отлучении

Всякое человеческое общество, установившееся с какою-либо внешнею целью, имеет полное право исключать из среды своей тех из своих сочленов, которые не только не исполняют принятых на себя обязанностей, но и противодействуют стремлениям общества, задерживая таким образом достижение намеченных целей. Изъятие подобных членов из общества и лишение их тех выгод и преимуществ, какие доставляет оно своим соучастникам, отнюдь, конечно, не бесчестное дело. Оно не противно ни справедливости, ни правосудию и служит необходимым для общества средством к его благосостоянию и самосохранению. И нет мало-мальски благоустроенного общества, которое не пользо-

валось бы этим правом и при своем основании не уполномочивало бы своих представителей и руководителей делать из него в необходимых случаях надлежащее употребление. Им пользуются не только одни небольшие кружки, но и целые государства, когда настоит нужда освободиться от вредных сочленов посредством ссылки, заточения и в крайних случаях посредством даже смертной казни.

Если же, таким образом, право изъятия или отлучения есть естественное, в самой природе вещей лежащее право, если оно существует и у внешних союзных обществ, преследующих только внешние, материальные, интересы и располагающих вдобавок другими действительными мерами к достижению их, — то тем более уместно и необходимо право отлучения в религиозных обществах, которые зиждутся единственно на нравственных началах, имеют высшие нравственные задачи, для достижения которых употребляют только нравственные средства. Право исключать из среды своей тех из членов, которые своим неблагоповедением, несоблюдением общественных правил и законов являются соблазном для других и наносят вред религии, служит в таких обществах главным условием их благосостояния, единственным сред-

ством сохранить свою честь и достоинство, а изверженных привести к раскаянию и исправлению. Поэтому, если не во всех, то, по крайней мере, в очень многих из древних языческих религий существовали такие учреждения и обряды, которые тесно связаны с этим правом отлучения, как свидетельствует об этом история.

У египтян, например, не позволялось входить в храмы пастухам свиней [1]. У персов маги не допускали к участию в жертвоприношениях людей, покрытых струпьями или имевших на лице сыпь или какие-нибудь болезненные проявления, равно как и тех, над которыми, еще при жизни их, совершен был погребальный обряд [2]. У скифов не принимались жертвоприношения от тех, которые не убили ни одного из своих неприятелей [3]. У греков отлучение налагалось на важных преступников с общего согласия народа и совершаемо было жрецами самым торжественным образом, после чего имя отлученного вырезывалось на каменных столбах и таким образом передавалось потомству как самое страшное и омерзительное [4]. О гал-

---

[1] *Геродот*. История. Кн. 2

[2] *Бершацкий*. "Об анафеме", с. 69.

[3] Alexand. lib. 4

[4] *Корнелий Непот*. Из жизни Алкивиада. Гл. IV.

лах Юлий Цезарь замечает, что если кто не подчинялся у них распоряжениям и постановлениям их жрецов, друидов, того устраняли они от участия в богослужениях, и это почиталось у них величайшим из всех наказаний. На такого человека смотрели как на отъявленного злодея и нечестивца. Его все избегали, никто не вступал с ним ни в какое общение, боясь подвергнуть себя чрез это какой-либо опасности. Ему отказывали в суде и не удостоивали никаких почестей. Особенно же так поступали с людьми упорными, не поддававшимися никаким мерам исправления [1]. У древних германцев трусость на войне признавалась за великий позор и самое тяжкое преступление. Кто, оставляя меч на поле битвы и бросая оружие, обращался в бегство, на того смотрели как на самого бесчестного человека; его отлучали, как преступника, от всех богослужебных действий и жертвоприношений и не допускали ни к каким публичным собраниям. Он был предметом всеобщего презрения, и нередко такие люди, чтобы положить конец своему тяжелому положению, решались на самоубийство [2]. Существовало подоб-

---

[1] *Юлий Цезарь.* Записки о Галльской войне. Кн. VI, гл. 13.

[2] *Тацит.* Германия. Гл. VI.

ного рода отлучение от религиозного и политического общения и в Римском государстве. Известно, что отношения между патроном и клиентом у римлян почитались священными: тот и другой взаимно предохраняли себя во всех обстоятельствах жизни и оказывали друг другу взаимную помощь; никто из них не смел приносить на другого жалобу или давать на суде показания не в его пользу и вообще становиться на сторону его противника. А кто нарушал это право, того по закону признавали у них за изменника; его назначали в жертву подземным богам, исключали как беззаконника из общества, и каждый мог убить его безнаказанно [1]. Если автор, сообщающий это, вслед за сим присовокупляет, что посвящать тела безнаказанно убиваемых преступников, в смысле жертвы, подземным богам [2] было обычаем римлян, то этот обычай мы находим вторично в позднейшей истории Рима. *Divis devovere*, посвящение фуриям, было не что иное, как торжественное изъятие преступника из человеческого общества. Можно бы представить и еще несколько исторических доказательств на это [3], но и приведенных

---

[1] *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности, кн. II, гл. 10.

[2] Там же.

[3] *Перч.* Recht Kirchenbannes, 3, 4 и 5.

достаточно, чтобы видеть, что отлучение от религиозного общения преступников и нарушителей божественного закона уже и в языческих религиях почиталось естественным и необходимым правом. И если мы не хотим утверждать, что это учреждение имело одну только нравственную сторону, без всякого политического характера, и везде существовало в определенной и постоянной форме, то никто равным образом не будет отвергать в нем ближайшего сходства с церковным отлучением.

Это отлучение ведет свое начало от самых первых времен человеческого рода. Первообразом его является грозное осуждение с его роковыми последствиями, которое произнес Сам Творец на наших прародителей по их грехопадении. *И изгна его Господь Бог из рая сладости, делати землю, от неяже взят бысть. И изрине Адама и всели его прямо рая сладости.* (Быт. 3, 23–24). Это изгнание из рая есть первое отлучение человека от непосредственного общения с Богом, сопровождавшееся для человека тяжелыми последствиями. Близкий доселе к Богу, он стал далеким от Него, чуждым Ему, рабом Его. Он лишился прежних своих преимуществ, и проклятие (что равносильно отлучению человека от Бога), отселе тяготеет над всей землей. Лишившись непосредственного руководства

Божия, он чаще и чаще нарушал теперь волю Божию, глубже и глубже падал нравственно; а чем глубже были эти падения, тем грознее раздавался голос Владыки Бога, подвергавшего человека наказанию за всякое преступление против Его закона.

Ветхозаветная история немало дает нам примеров таких наказаний, или отлучений, совершаемых Самим Богом. Так, после проклятия, бывшего еще в раю в наказание за первое грехопадение прародителей (Быт. 3, 14—24), Он изрекает проклятие на первого сына прародителей, на братоубийцу Каина: *и ныне*, говорит Он ему, *проклят ты на земли, яже разверзе уста своя прияти кровь брата твоего от руки твоея... Стеня и трясыйся будеши на земли* (Быт. 4, 11—12). А затем во Всемирном потопе истреблено было как недостойное милости Божией все развращенное человечество, за исключением Ноя с семейством. После потопа, когда вновь размножившееся человечество не оказалось лучше, мы снова видим целый ряд отлучений, исходивших от Самого Бога, а позже произносимых от Его имени верными рабами Его в лице первосвященников, пророков и благочестивых царей. Эти отлучения были или общие, каково, например, проклятие, произнесенное Моисеем

на преступников закона (*проклят всяк, иже не пребудет во всех словесех закона, еже творити я*, (Втор. 27, 26; ср. 28, 15–68), а также Иисусом Навином на Иерихон (Нав. 6, 16), или частные, в отношении к определенному лицу, каковы, например, отлучение и казнь Корея, Дафана и Авирона (Чис. 16, 1–40), отвержение Саула (1 Цар. 15, 10–33) и др. Эти-то и другие подобные им непререкаемые в своем божественном характере и действенном значении примеры отдельных и как бы случайных отлучений и положены были в основу того обряда отлучения от религиозного общения, какой существовал у иудеев послепленного периода.

Уже Ездра ясно упоминает об этом учреждении как о действительно существующем (2 Езд. 9, 9), а позднейшие раввины во многих местах Талмуда сообщают о нем подробные и обстоятельные сведения. Иудейское отлучение, по свидетельству Талмуда, имело три степени. Самая низшая из них называлась "нидуи" (*nidui*, от *nidoa* – отделять, исключать, выгонять, по-гречески **афори́зин**, см. Лк. 6, 22) и состояла в том, что подвергшийся этому наказанию отлучался на 30 дней от сообщения с другими, и никто, кроме жены и детей, не смел подходить к нему ближе, чем на 4 фута. Ему не позволяли

ни стричься, ни бриться, ни мыться и вместе с тем обязывали носить траурную одежду. Кто умирал в отлучении, на гроб того суд повелевал бросать тяжелые камни в знак того, что он достоин побиения камнями. Никто не смел ни сопровождать праха его на могилу, ни оплакивать его смерти. Посещение храма отлученным этой степени хотя и дозволялось, но существовали особенные ворота, чрез которые они должны были входить в храм и выходить из него. Принимать и оказывать услуги, давать наставления и выслушивать ответы отлученному хотя не воспрещалось, но с непременным соблюдением узаконенного правила, т.е. на расстоянии четырех локтей. Раввины насчитывают 24 греха, за которые подвергали малому отлучению, например, сопротивление мирскому или духовному начальству, богохульство, клятвопреступление, свидетельство против единоверцев пред языческими судьями, продажа язычникам недвижимого имущества и т. д.[1] Каждое частное лицо имело право подвергнуть этому наказанию другое, только при этом оно обязано было представить достаточно уважительную причину. Если же оно не было в состоянии сделать этого,

---

[1] *I. Buxtorf,* Lexicon chaldaic, talmubic et rabbinieum.

инв. № 22733

то само подвергаемо было подобному наказанию. Если это отлучение налагало не частное лицо, а суд, то при этом делались всегда предостережение и особый вызов в суд. Отлученный освобождаем был от наказания только тогда, когда обнаруживал искреннее раскаяние и решительное обещание исправиться. Если же он не делал этого в продолжение 30 дней, то срок отлучения увеличивали иногда на 60, а иногда на 90 дней; а если и после этого он продолжал упорствовать, то его подвергали великому отлучению, которое называлось "херем" (*cherem*, от *charam* — выбрасывать, извергать, по-гречески **эквáллин**, см. Лк. 6, 22). На этой второй степени отлучение всегда соединяемо было со многими и ужасными проклятиями, причем всегда публично обнародовался приговор с обозначением его оснований. Произносил этот приговор суд; но когда какие-либо обстоятельства не позволяли суду довести дело до конца, то для продолжения его нужно было соединиться, по крайней мере, 10 членам общества. Действия *херем* состояли в совершенном исключении осужденного из общества, в совершенном устранении от религиозного общения, в строжайшем запрете всякого сношения с ним, а иногда и в конфисковании его имущества. Отлученный

не имел права ни учить, ни учиться, ни принимать услуг, ни оказывать их другим. Никто не смел подходить к нему, за исключением тех только случаев, когда нужно было доставлять ему необходимые средства к жизни. Кто осмеливался вступить с отлученным в общение, тот сам подвергался такому же наказанию. В случае исправления и чистосердечного раскаяния отлученного его разрешали от наказания, и это разрешение совершалось тою же высшею властью или тем же самым лицом, которое и определяло наказание. Разрешительная формула очень краткая и простая: "absolutio tibi est et remittitur" [1]. Если же и после этого отлученный оставался непреклонным, то следовало третье и самое тяжкое отлучение — *шаммата*, которое совершалось публично и торжественно, при соблюдении определенных церемоний, и сопровождалось еще более запальчивыми проклятиями [2]. Отлучение в этой последней степени имело такое значение, что отлучаемому, во имя Божие, воспрещалось возвращение в общество

---

[1] *Selden.* De sinedriis.

[2] *Selden.* De jure nat. et gent., p. 508–510. Хотя краткое, но исторически верное изложение всех трех видов иудейского отлучения можно читать и в книге "О чине Православия", студ. Киевской дух. академии Стефана Семеновского, стр. 13–17.

верующих навсегда, и он представлялся уже суду Божию. Действительно ли словом *шаммата* обозначается последняя и самая тяжкая ступень отлучения, или же это наказание тождественно с "нидуи" — вопрос этот, бывший долгое время предметом спора ученых, не приведен к окончательному решению, но для нашей цели это и не существенно важно. Нам довольно знать, что отлучение у иудеев существовало, и существовало в довольно определенной форме, и что это наказание вызывалось обстоятельствами и внутреннею необходимостью как неизбежное средство для поддержания общественной дисциплины и порядка.

Если таким образом все вообще внехристианские религии, не только языческие, а и богооткровенная иудейская ветхозаветная, в интересах своей чести и достоинства и в видах исправления порочных членов своих, находили нужным исторгать их из среды своей — отлучать, то точно так же и Христианская Церковь, как общество верующих, должна пользоваться этим средством, и пользоваться тем в больших размерах, чем труднее исполнение ее нравственных требований для естественного человека и чем менее присущи ей, как чисто духовной власти, внешние, принудительные, насильственные меры. Уже в том обстоятельстве, что она по-

средством крещения свободно принимает в свои недра всякого, кто исповедует ее учение и обещает исполнять ее заповеди, заключается вместе и естественное для нее право, полномочие — отторгать от недр своих тех из сочленов, которые ниспровергают ее учение и вредят ее дисциплине; так что если бы Божественный Основатель Церкви и не сделал в этом отношении никакого особого постановления, то обстоятельства религиозной жизни сами собою вынудили бы церковную власть сделать из этого естественного права практическое употребление, и это было бы вполне законно и справедливо.

Но как ясно вручил Господь апостолам и их преемникам право и власть крестить и таким образом вводить в Церковь достойных, так точно ясно же уполномочил Он их и отлучать от нее недостойных. Ясное указание на дарование Господом Церкви этого последнего полномочия находится в заповеди Его, записанной в Евангелии от Матфея: *Аще же согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его между тобою и тем единем, аще тебе послушает, приобрел еси брата твоего* (Мф. 18, 15). Таковы первые слова этой заповеди; они означают, что если ближний твой обидит тебя словом или делом или причинит какой-нибудь вред, то не переноси этого дела в

суд тотчас же, но стань прежде глаз на глаз с обидчиком, объясни ему его неправоту и постарайся сам лично склонить его к миру, раскаянию и исправлению. Если успеешь в этом, то ты спас его, произвел в нем нравственный переворот и возвратил на путь добра; ибо, как говорит св. ап. Иаков, *обративый грешника от заблуждения пути его, спасет душу от смерти и покрыет множество грехов* (Иак. 5, 20) – *Аще ли тебе не послушает, пойми с собою еще единаго или два; да при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол* (Мф. 18, 16), – продолжает Господь; т. е. если первая попытка твоя к обращению грешника останется без последствий, то усугубь свои увещания, поставь дело гласно, сделай обидчику наставление при свидетелях, чтобы слова твои в их присутствии имели более силы, и он, видя их единомыслие с тобою, тем скорее пришел к сознанию своего греха и исправлению; ибо "Спаситель, – как говорит св. Иоанн Златоуст, – ищет пользы не оскорбленного только, но и оскорбившего". – *Аще же не послушает их, повеждь Церкви* (Мф. 18, 17), т. е. если и пред лицом свидетелей останется он непреклонным, а твои убеждения к исправлению без успеха, в таком случае ты вправе заявить об этом обстоятельстве представителям Церкви,

дабы эти последние, в присутствии общества, еще публичнее и убедительнее сделали ему вразумление и еще настойчивее потребовали от него исправления. — *Аще же и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь* (Мф. 18, 17); т. е. если он настолько окажется закоснелым в своем порочном направлении, что пренебрежет и священным авторитетом церковных представителей, окажет и им явное и упорное сопротивление, тогда уже представители Церкви вправе отлучить его как упорного и неисправимого от своего общества и низвести его на степень таких людей, которые совсем не принадлежат к Церкви.

Что в таком именно, а не в другом какомнибудь смысле нужно понимать приведенные слова Христовы: **э́сто си́ о́спер о эфнико́с кэ о тэло́нис** – *буди тебе, якоже язычник и мытарь*, — это не подлежит сомнению. По связи речи, их нельзя понимать в том смысле, что если согрешивший брат не послушает и Церкви, то ты, обиженный, вправе смотреть на него как на бесчестного человека и, прервав с ним всякое общение, оставить его на его нечестивом пути, как это утверждают протестанты. Здесь Господь говорит о решении дела Церковию; следовательно, о деятельности пострадав-

шего истца тут не должно быть и речи. Представители Церкви, долгом служения своего призванные к обращению грешника на путь спасения, делают ему наставления — напоминания об его обязанностях и предостережения от опасности, стараясь склонить его к раскаянию. Если же он на все это отвечает упорством и сопротивлением, то *они* именно и имеют право в деле сопротивляющегося их власти и авторитету идти далее и произносить окончательный судебный над ним приговор: **э́сто си́ о́спер о эфнико́с кэ о тэло́нис**. Что в данном случае имеются в виду действительно представители Церкви как действующие лица, это ясно вытекает и из непосредственно следующих за этим слов Спасителя, в которых Он, обращаясь к апостолам, говорит: *Аминь бо глаголю вам* (**ими́с**), *елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси*: слово **ими́с**, стоящее здесь параллельно предыдущему слову **экклиси́а** (Церковь), ясно указывает на одинаковую деятельность как для этой (Церкви), так и для тех (апостолов). Если при настоящем *вязании* действующими лицами и судиями, решающими дело и определяющими наказание, являются апостолы, то то же самое содержится и в более общем выражении **экклиси́а**.

Что же касается до самого судебного решения или приговора, определяемого здесь церковною властью, то несомненно, что под ним разумеется отлучение от Церкви, анафема, и слова **э́сто си́ о́спер о эфнико́с кэ о тэло́нис** суть не что иное, как прямая заповедь Спасителя об отлучении. В самом деле, если мы поближе рассмотрим политическое и религиозное отношение, в каком находились иудеи к язычникам и мытарям, то нас поразит здесь резкий рубеж разобщения и взаимного исключения. Иудеи в высшей степени ненавидели и презирали язычников как не принадлежащих к избранному народу Божию [1], а язычники, в свою очередь, совершенно уклонялись от внешних сношений с иудеями как с враждебным им племенем человеческого рода, и эта неприязнь их была так велика, что язычник в случаях даже самой крайней нужды не решался не только просить каких-нибудь услуг у своего соседа иудея, но и принимать их, хотя бы они предлагаемы были ему без всяких с его стороны домогательств. Он готов был скорее в совершенной беспомощности предать себя воле судеб, чем нарушить заветный обычай своей нации. Точно так же и мытари были предме-

---

[1] Вследствие этого они называли их собаками, в ненавистнейшем смысле этого слова (Мф. 15, 26).

том всеобщей ненависти и презрения (Мф. 9, 10; Лк. 7, 34), частию по причине тех несправедливостей и притеснений, какие делали они при взимании пошлин, частию же, а пожалуй, и главным образом потому, что собранное они прямо передавали на сторону римского правительства и соблюдали только его интересы. Поэтому они как нечестные люди и вымогатели, с одной стороны, и как изменники своего народа и религии, — с другой, настолько были ненавистны для всех, что считалось за грех иметь с ними какое-либо общение. Иногда их даже подвергали как врагов своей религии и своего племени формальному отлучению от религиозного общения в синагогах. Если же такие именно, а не другие, были во времена Христа отношения между иудеями и язычниками и мытарями, то что другое Спаситель мог выразить словами **э́сто си́ о́спер о эфнико́с кэ о тэло́нис**, как не уполномочение представителей общества отлучать от Церкви отъявленных и закоснелых грешников, нарушителей ее законов, и ставить их в такое же отношение к верующим, в каком находились язычники и мытари к иудеям, так, чтобы все избегали сближения с ними и смотрели на них уже не как на своих собратий по вере, а как на чужих?

Справедливость такого понимания приведенных слов Господа явствует и из того, что дан-

ное место Евангелия понимаемо было в смысле заповеди об отлучении (анафематствовании) всею древнею Церковью [1]; но самым непререкаемым, даже для протестантствующих, свидетелем того, что Христос в этих словах действительно разумеет отлучение от Церкви и преподает особенное на это право апостолам и их преемникам, конечно, должен быть назван св. апостол Павел. Строгою речью упрекает он коринфское общество и его представителей в своем послании к этой Церкви (1 Кор. 5, 1–5) за то, что они так долго терпели в своей среде кровосмесника и не удаляли его от своего общества. Что же касается его самого, то он хотя и заочно, но давно уже определил *предать* преступника *сатане в изможденіе плоти*. Если выражение **э́рин эк мэ́су имо́н** (изъять из среды) и однозначащее с ним **парадуи́э то сатана́** (предать сатане) могут быть понимаемы не иначе как в смысле отлучения церковного, и если апостол говорит выше, что он определяет это наказание во имя и силою Иисуса Христа (**эн то оно́мати... син ти дина́ми ту Кири́у имо́н Иису́ Христу́**), то это, несомненно, указывает на его убеждение в

[1] Читай у *Златоуста* 18 беседу на Евангелие от Матфея, у *Оригена* Commentar in Evang. Mathei., у *бл. Августина* Contra adversar., т. I, стр. 17 и др.

том, что право отлучения от Церкви имеет свое основание в Божественном учреждении и даровано Христом Его апостолам [1]. Эта же мысль руководит им и в действиях его относительно Именея и Александра, о которых он говорит: *их же предах сатане, да накажутся не хулити* (1 Тим. 1, 20). Ибо здесь он, хотя прямо и не говорит, что он действует именем и силою Христа, но та уверенность, та смелая решительность, с какою он совершает это дело, совершенно ясно показывают, что он вполне убежден был в своем Божественном полномочии на это дело и смотрел на свое определение наказания как на нечто понятное само собою и непререкаемое. На свое высокое полномочие отлучать от общения с Церковью он довольно прозрачный намек дает еще, когда обращается к коринфянам с властным словом: *Что хощете: с палицею ли прииду к вам, или с любовию и духом кротости?* (1 Кор. 4, 21). Наконец, когда после самого строгого и настоятельного убеждения коринфян к покаянию и исправлению своей порочной жизни вообще и к воздержанию от нецеломудрия и разврата в частности, он высказывает им угрозу: *не сый у вас сие пишу, да не пришед, безщадно сотворю по власти, юже Господь*

---

[1] *Иоанн Златоуст.* Беседа 5 на 1 Послание к Тимофею.

дал ми есть в созидание, а не на разорение (2 Кор. 13, 10); то в этом опять заключается ясное указание на дарованную Христом ему, а следовательно, и другим апостолам и их преемникам власть отлучать упорных и неисправимых сынов Церкви от общения с нею.

Согласно этим изречениям Священного Писания наша Православная Церковь с самого начала существования держалась и держится того убеждения, что отлучение есть Божественное учреждение и что епископы, определяя такое наказание, действуют во имя и по поручению Бога. Св. Киприан не раз высказывался, что епископы имеют право и обязаны отлучать от Церкви нарушителей Божественного закона, еретиков и соблазнителей верных именем Христа и по Его повелению, что они не должны обращать ни малейшего внимания ни на угрозы, ни на ненависть, ни на преследования со стороны отлучаемых и ни под каким предлогом не должны поступаться своими правами, так как они действуют в данном случае властью Христа. "Бог, – говорит он, – посредниками и служителями Которого они при этом являются, сохранит их" ("О единстве Церкви"). Блаженный Августин епископу Авксинию, отлучившему от Церкви известного Фелициссима со всем его семейством без достаточных основа-

ний, пишет, что "он должен отменить свой приговор, потому что отлучение его противно как правосудию и справедливости, так и христианскому смирению и кротости, ибо он невинных подверг такому наказанию, которое, будучи *Божественным установлением*, влечет за собою самые тяжкие последствия, касаясь не одного только тела, но и души, делая для последней сомнительною возможность спасения. Блаженный Иероним, с употреблением буквального выражения ап. Павла, говорит: "Мне не подобает сидеть прежде пресвитера, *ибо он может предать меня сатане, в изможденіе плоти, чтобы дух спасти.* Как в Ветхом Завете не повиновавшийся левитам изгонялся из стана и побиваем был камнями, так и теперь подобного рода противник усекается мечом духовным, т.е. извергаемый из недр церковных предается во власть и на истязание злого духа." Это место дает ясный намек на учрежденное Самим Богом (Втор. 17, 12) наказание смертию. Бл. Иероним ставит это наказание по его происхождению и цели на одну степень с новозаветным отлучением и это последнее понимает, следовательно, как Божественное учреждение. Прекрасно и недвусмысленно выражает эту мысль и св. Иоанн Златоуст, когда, рисуя тяжелые последствия отлучения, говорит: "Пусть никто не пре-

зирает узы Церкви, ибо вяжущий здесь не человек, но Христос, даровавший нам эту власть, и Господь, сподобивший людей такой великой чести".

Так как Церковь право отлучения всегда понимала как право, дарованное ей Самим Христом, то она, следуя примеру апостолов, с самого основания своего делала из этого права практическое употребление. Папа Виктор отлучил еретика Феодота-священника [1]. Монтан и его приверженцы были подвергнуты запрещению малоазийскими соборами [2], а Маркион, сын понтийского епископа, за тяжкий грех нецеломудрия отлучен был от церковного общения отцом своим. Все эти факты относятся ко II веку, и едва ли нужно замечать, что впоследствии, когда все более и более росло число верующих членов, все более и более ослабевала ревность по вере и упадала первоначальная нравственная чистота в их жизни, употребление этого наказания становилось все чаще и чаще.

Хотя невольное, но несомненное доказательство того, что церковное отлучение есть Божественное учреждение, дает, наконец, и протестантская Церковь. Исходя из того положения, что в учении и практике церковной можно при-

---

[1] См. *Евсевий*. Церковная история, кн. V, гл. 28.

[2] Там же, кн. I, гл. 16.

нимать и оправдывать только то, что основано на Священном Писании, она употребляет отлучение как живую часть церковной дисциплины, как средство к сохранению последней. Как сам Лютер [1], так и Кальвин [2], на основании приведенных ими мест Св. Писания, также признавали Божественную инициативу отлучения, как и наша Православная, а затем и католическая Церковь. Согласно с последними и они приписывали ему те же самые действия, свойства и силу [3].

---

[1] Перечислив места Св. Писания, в которых говорится о церковном отлучении, Лютер говорит: "Эти и подобные места суть неизменная заповедь великого Бога; мы не в праве отменять ее. Хотя папство и злоупотребляет правом отлучения, допуская это во вред Церкви, тем не менее не отменять, а лишь правильнее и с надлежащею осторожностью употреблять его должны мы по воле и заповеди Христовой" (см. *F. Tischreden.* Frankfurt, Ausgabe 1569. S. 177).

[2] В формуле экскоммуникации, составленной Кальвином, говорится: "Мы, служители Божии, сражающиеся оружием духа, мы, которым дана власть вязать и решить, исторгли N.N. во имя и по власти Иисуса Христа из недр церковных, – отлучили и устранили его от общения с верующими; да будет он проклят между ними; да отвращаются от него все, как от язвы, и да не имеет с ним никто никакого общения и сношений. Этот приговор отлучения подтвердит и Сын Божий (см. Leben Kalwins, II, S. 31)

[3] "Старайся, говорю я, чтобы отлучение от Церкви совершаемо было правильно и законным образом, ибо оно влечет за собою страшный Суд Божий". *F. Tischreden.* S. 176.

Символические книги протестантской Церкви также высказываются за соблюдение отлучения, а в церковных постановлениях различных стран встречаются нередко предписания даже и о том, как, каким способом и порядком оно должно совершаться и какими словами должен произноситься приговор о нем.

Если все сказанное нами доселе приводит нас к заключению, что отлучение состоит в совершенном устранении от Церкви, что оно основывается не на естественном только праве, но учреждено Самим Христом, то этим далеко еще не исчерпывается понятие и содержание этого наказания. Оно состоит не в одном только внешнем изъятии или отделении от общества верующих, но сопровождается несравненно более важными последствиями и действиями — последствиями духовно-нравственного свойства. Установив отлучение словами: *аще же и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь*, Господь наш Иисус Христос присоединяет к этому такие знаменательные слова: *аминь бо глаголю вам, елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси* (Мф. 12, 18). Таким образом, здесь идет дело о таком приговоре церковного суда, о таком наказании, действие и границы которого шире, чем судебные решения мирских властей, — о наказании, переходящем за преде-

лы земного бытия, наказании, касающемся души, которое, будучи произнесено на земле, имеет подтвердиться, остаться в своей силе и на небе. Внутренняя действенность отлучения не такова, конечно, чтобы оно само по себе, независимо от нравственного состояния отлучаемого, отделяло от Бога и лишало Божественной благодати. Если бы оно, хотя бы и совершенно правильным, узаконенным образом, произнесено было над невинным человеком, то это нисколько не изменило бы его отношений к Богу, не отдалило бы его от Бога, – только грехи могут удалять его от Бога и лишать Его благодати. Грех и произведенное им разобщение с Богом есть необходимое предположение действительного отлучения. Внутренняя сущность последнего состоит в том, что оно подвергает грешника, и без того разобщенного с Богом, еще большей опасности и к одному его несчастию прилагает новое несчастие. Ибо оно лишает человека той помощи и благодати, которые Церковь предлагает всем своим собратьям. Оно отнимает у него те блага и преимущества, которые приобретены им в Таинстве св. Крещения. Оно совсем отсекает его от церковного организма. Для отлученного чужды и недействительны уже заслуги и ходатайства святых, молитвы и добрые дела верующих. Ему недоступно при-

нятие Святых Таин, он лишен и тех благ, которые отсюда изливаются на верующих чад Церкви. Он оторван от Христа и Его живого Тела, от Его искупительных заслуг и тех благодатных средств, какие доставляют они человеку. Грешник и безбожный нечестивец, пока его не коснулось еще отлучение, все еще член Церкви, и хотя он сам по себе уже не участвует в ее благодати, но молитвы, нравственные заслуги и добродетели его собратий могут исходатайствовать ему снова Божию милость и благоволение; отлученному же недоступна и эта косвенная помощь, он исключительно предоставлен самому себе и, лишенный благодатных средств, всегда присущих Церкви, без опоры и помощи, без защиты и обороны, предан во власть лукавого. Таково по своему свойству наказание отлучения, наказание, поистине, тяжкое и страшное. Будучи наложено на земле, оно не слагается и на небе; начавшись во времени, оно продолжается вечно.

С такой, а не другой точки зрения рассматривала Церковь всегда сущность отлучения; такие, а не иные, она всегда признавала за ним действия и характеристические свойства. Уже апостол Павел прекрасно выражает это, как **парадýнэ то сатанá**, как передачу, вручение сатане; ибо как внутри Церкви господству-

ет Христос, и верующие члены ее находятся под Его покровительством, так и вне ее — царство лукавого, где господствует сатана. Изверженный из Церкви подпадает его жестокому господству без высшей помощи и защиты, как некогда дохристианское человечество испытывает его козни и искушения и все более и более опутывается узами греха. Не менее удачно и метко сравнивают св. отцы [1] наказание церковного отлучения с изгнанием Адама и Евы из рая. Как прародители наши, преступлением заповеди навлекшие на себя гнев Божий, изгнаны были из того места, где доселе беседовал с ними Бог, и, лишенные Божественной благодати, предоставлены были во всех жизненных приключениях и вражеских искушениях исключительно своим собственным силам, так и изверженный из Церкви, где он находился в живом общении с Богом, беспомощный, безоруженный предается во власть темных, враждебных сил диавола. Далее, наказание отлучения у св. отцов Церкви нередко называется духовною смертию, по сравнению его с смертию телесною. Когда так называют они отлучение, то в основании этого выражения лежит то представление, что душа, лишенная церковной благодати, высшей помощи и Божественной защиты, постепенно изнемога-

[1] Напр. блаженные Иероним и Августин.

ет в борьбе со злом и в случае закоснения в состоянии греха и нераскаянности лишается возможности исправиться или, что то же, нравственно умирает; что как меч полагает конец телесной жизни, так исторжение из Церкви в последней инстанции влечет за собою смерть духовную [1]. Ту же самую мысль хотят, наконец, выразить отцы Церкви когда представляют отлучение от Церкви как первообраз, как начало будущего страшного Суда Божия [2]. Ибо когда отлученный коснеет в своей нераскаянности и без помощи благодати все дальше и дальше удаляется от Бога, все глубже и глубже погружается в бездну греха, то это может кончиться только совершенною и вечною погибелью, и наказание отлучения действительно является здесь началом и, так сказать, приступом Божественного суда.

Кто в состоянии понять, что́ значит быть членом Церкви, находиться в живой, органической связи с телом Христа и участвовать чрез это во всех благодатных дарах и благах Его искупления, тому само собою будет понятно, почему отлучение от этого спасительного общения Церковь во все времена понимала как самое большое и самое тяжкое наказание. Свя-

---

[1] *Бл. Иероним*. Epist. XIV ad Heliodor. (Письмо 14 к Гелиодору.)

[2] *Тертуллиан*. Apolog. (Апология), 31.

той Иоанн Златоуст кратко обозначает его, как **тимори́а пасо́н тимори́он халепоте́ра**, а Августин называет его **damnatio, qua poena in ecclesia nulla major est** [1], т. е. таким наказанием церковным, более которого не может быть.

Сообразно такому воззрению на сущность и значение отлучения, Церковь, прибегая к этому тягчайшему из всех наказаний (**poenarum omnium gravissima**) только в самой крайней нужде, когда не виделось уже никакого другого исхода, всегда действовала, по слову св. апостола, с великою скорбию, *с тугою сердца и многими слезами* (2 Кор. 2, 4). Как некогда оглашенного, по принятии им св. Крещения — этого величайшего из всех благ Церкви, — братия встречала с радостию и ликованием и благожелательно приветствовала как нового друга и сотоварища, так, напротив, отлучение от Церкви, лишающее права на общение с отлучаемым, совершалось всегда с глубокою скорбию и слезами [2]. Из многих фактов, служащих подтверждением этой мысли, мы приведем здесь следующие два. Собор Ефесский в приговоре своем против Нестория говорит: "Вынужденные правилами и посланием св. отца нашего и со-

---

[1] De corruptione et gratia, c. XV.

[2] *Bingam.* Origen, кн. VII, гл. IV, стр. 5.

служителя Келестина, епископа римской Церкви, с великими слезами приступаем к этому печальному против него решению. Поносимый Несторием Господь Иисус Христос в лице настоящего Собора определяет, чтобы он (Несторий) лишен был епископского сана и всякого священнического сообщества". Таков же по внутреннему своему содержанию и характеру и приговор Константинопольского собора, произнесенный над Евтихием. Он гласит: "Того ради, скорбя и оплакивая его полное заблуждение и непокорность, мы, во имя Господа нашего Иисуса Христа, Которого хулит он (Евтихий), определили отрешить его от всех священнических прав и обязанностей, отлучить от нашего общества и лишить должности монастырского настоятеля. Всякий, кто будет иметь с ним сношение, пусть знает, что и он подвергнется такому же отлучению (Harduin, 11, p. 163).

Но хотя отлучение, как видно из сказанного, есть самое большое и самое тяжкое из всех церковных наказаний, хотя оно отнимает у отлученного закоснелого грешника все духовные блага, приобретенные им через святое Крещение, однако Церковь, подвергая его этому наказанию, отнюдь не имеет целью отрезать ему, так сказать, путь к спасению и причинить вечную погибель, но, наоборот, хочет привести его

к этому спасению, возвратить на истинный путь. Церковь, скажем словами апостола, получила право отлучения *для назидания, а не для разорения* (2 Кор. 13, 10). В этом случае она действует как наместница Того, Который приходил не погубить души человеческие, но спасти их [1]. Что Церковь при отлучении имеет своею целью прежде всего исправление и спасение отлучаемого, это не раз и весьма ясно засвидетельствовано в Священном Писании. Так, апостол Павел предал коринфского кровосмесника сатане в изможденне плоти, *чтобы спасти дух его.*

Каким же образом может совершиться это спасительное действие отлучения? Каким образом изможденнем плоти можно спасти душу? В ответ на этот неизбежный и насущный вопрос нужно помнить, что грешник, отлученный от Церкви, вообразив всю великость наказания и несчастия, постигшего его, представив себе ту страшную бездну, в которую низринут он, те опасности, которыми угрожает ему отторжение от недр Церкви и тела Христова, не может не отрезвиться и не прийти к сознанию своего печального положения и не восчувствовать глубокой скорби. А эта скорбь, это сознание, есте-

---

[1] Прекрасно развита эта мысль в сочинении "О чине Православия" Стефана Семеновского, студ. Киевской Дух. академии.

ственно, должны подавить в нем те страсти и порочные чувственные наклонности (изможденне плоти), коими он навлек на себя это наказание, должны переломить его упорство и сопротивление, которыми он отвечал на все требования Церкви. В этом случае он, так сказать, вынужден бывает переменить превратный образ своей жизни и мыслей и в чувствах раскаяния возвратиться в недра Церкви, чтобы испросить прощение, сделаться снова участником благодати и таким образом спасти свою душу, как это действительно и было с коринфским кровосмесителем, который, принесши чистосердечное раскаяние, снова был принят в общение с Церковью.

В таком же точно смысле говорит апостол и об Именее и Александре, что он предал их сатане, *дабы научились они не богохульствовать* (1 Тим. 1, 20); т.е. он при отлучении их имел в виду привести их к сознанию своей вины и заставить изменить свой преступный образ мыслей, выражавшийся преимущественно в хуле на Христа и христианскую веру, словом, отлучил их, с тем, чтобы, подобно коринфянину, спасти их души. Наконец, когда апостол Павел пишет к солунянам: *аще же кто не послушает словесе нашего, посланием его назнаменуйте, и не примешайтеся ему, да посрамится* (2 Сол. 3, 14), то

этим хочет сказать, что противящихся его постановлениям должно отлучать от Церкви и прерывать с ними всякое общение, дабы они пришли к сознанию своего беззакония и подчинились его требованиям.

Так как в Священном Писании отлучение везде представляется как средство исключительно исправительное, то и Церковь во все времена признавала за ним то же самое значение и применяла его к делу с тою же самою целью. Рассуждая о цели отлучения, Иоанн Златоуст, между прочим, замечает, что апостол Павел не всецело отдал кровосмесника во власть сатаны (последнего он употребил как орудие для достижения своей цели — исправления грешника), т. е. чтобы отлученный под властью врага человеческого рода очнулся, пришел в себя и, по принесении покаяния, снова был принят в Церковь как живой член ее. "Велико наказание отлучения, но еще больше его польза: то — только временное и мимолетное, а это — простирается в вечность". Равно и бл. Августин не раз и самым явственным образом отмечает исправление виновного как самую главную цель отлучения. Оно есть самое тяжелое наказание, какое только может касаться христиан; однако ж, употребляя его, Церковь действует отнюдь не по страсти гнева и мести, но проникаясь тою

любовию и жалостию, какая присуща бывает сердцу пастыря при похищении из его стада овцы. Ее деятельность в этом случае, как справедливо замечает бл. Августин, есть "**misericors severitas**" (милосердие строгости).

Впрочем, при определении наказания отлучения внимание церковной власти обращается не на одно только лицо отлучаемого, но также и на честь Церкви и благо ее членов. Так как честь и достоинство Церкви первее всего состоит в том, чтобы члены ее чистотою своих нравов, высоконравственным, безупречным образом жизни доказывали истинность своей религии и Божественность ее происхождения, то по мере развития между ними беззаконий и порока она теряла бы свой авторитет и уважение, и тем более унизила бы свое достоинство, если бы стала держать в своих недрах или, по крайней мере, оставлять безнаказанными отъявленных и грубых грешников. Вот почему, не желая ронять своего достоинства и давать лишнее против себя оружие в руки врагам своим, Церковь всегда считала и считает своим долгом упорных и неисправимых грешников подвергать формальному отлучению. Этот мотив для определения отлучения весьма естествен и понятен для каждого. Хотя он и не в такой мере, как другие, обеспечивается и подтверждается

историческими данными, однако ж не может подлежать никакому сомнению то, что он во многих случаях был главным и решительным основанием при определении этого наказания; ибо кому не известно, с какою неослабною заботливостию Церковь, вопреки язычникам, старалась сохранить доброе о себе мнение и как высоко она держала знамя своей чести во всех отношениях. В подтверждение этой мысли можно указать на один исторический факт. Когда епископ Евкратий обратился к св. Киприану с вопросом: должно ли некоего лицедея, учившего своему искусству детей, терпеть в обществе и иметь с ним сношение, то последний отвечал, что это не согласно ни с величием Божиим, ни с требованием Евангелия, так как через такое сношение *страдает честь Церкви*. Епископ должен всячески убеждать его оставить такое занятие. Если же он, прекратив это занятие, впадет в бедность, то христианское общество доставит ему необходимые средства к жизни. Буде же для него это невозможно, то пусть идет он в Карфаген для пропитания, дабы вместо того чтобы учить других греховному делу, он сам научился здесь тому, что служит к его спасению [1].

Третья цель, преследуемая Церковью при отлучении от общения с собою публичных греш-

---

[1] *Св. Киприан*. Epist. LXI. (Письмо 61).

ников, есть благополучие и предохранение от опасности заразы остальных членов ее. Как в каждом обществе пороки и преступления одного при их безнаказанности легко делаются предметом соблазна и подражания и для других и, распространяясь более и более, наносят существенный вред целому, так и в Церкви дурной пример одного может заражать и распространяться и на других. Общественный порядок и дисциплина легко могли бы поколебаться и нравственно-религиозная жизнь более слабых чад ее могла бы подвергнуться большой опасности, если бы она не стала отсекать вредных и зараженных нравственною болезнию членов своих и не предохраняла от нее здоровых. Эту мысль выразил еще апостол, когда он коринфскому обществу и его представителям, которых побуждал он к отлучению кровосмесника, поставил такой вопрос: *ужели не знаете вы, что малая закваска квасит все тесто* (1 Кор. 5, 6); т.е. я настаиваю, как бы так говорит он, отделить преступника от вашей среды потому, что грех одного, как свидетельствует опыт, слишком легко переходит и к другому, он, как язва, заражает и других, когда не бывает удаляем от соприкосновения с ними. Эту мысль повторяют затем и Отцы Церкви. Св. Иоанн Златоуст, объясняя настоящее место Послания к корин-

фянам, замечает, что при отлучении имеется в виду не одна только личность отлучаемого, но и вся Церковь: ибо только таким образом можно предотвратить от нее опасность заразы; так как преступление одного в случае безнаказанности тотчас же передается и всей Церкви и подвергает ее разрушению [1]. Св. Киприан пишет епископу Помпонию [2], чтобы он отлучил от Церкви девиц, нарушивших обет целомудрия, равно как и их соблазнителей, и никогда не принимал бы их обратно, если они не исправятся, **ne exemplum**, продолжает он, **exeteris ad ruinam delictis suis facere incipiant**, т.е. чтобы они дурным своим примером не вовлекли в подобное преступление и других. Блаженный Августин говорит также, что на пастырях Церкви лежит обязанность отделять больных овец от здоровых, чтобы яд заразы не перешел и на здоровых. "Тот, – говорит он, – для Которого нет ничего невозможного, исцелит чрез это отделение и больных" [3]. Папа Иннокентий I, одобрив и подтвердив решение африканских епископов, которым отлучены были от церковного общения пелагиане,

---

[1] *Иоанн Златоуст*. Беседа 15 на 1 Кор. 5.

[2] *Св. Киприан*. Epist. LXII ad Pomponium. (Письмо 62, к Помпонию.)

[3] *Бл. Августин*. Epist. ad Carthagen. Concili patres.

прибавляет: "Если бы они еще надолго оставались в Церкви безнаказанными, то неизбежным следствием этого было бы то, что они вовлекли бы в свое заблуждение многих невинных и неосторожных членов ее. Последние могли бы думать, что проповедуемое ими учение – православное, так как они были еще членами Церкви. Потому-то больной член и отсекается от здорового тела, чтобы сохранить то, чего еще не коснулась зараза". А в постановлениях апостольских (кн. II, 7) говорится: "Овца шелудивая, если не отлучениа от здоровых овец, передает болезнь свою другим, и человек, зараженный язвой, страшен для многих... Посему если и мы не отлучим беззаконного человека от Церкви Божией, то сделаем дом Господень вертепом разбойников". И церковное законодательство, таким образом, понимает отлучение как средство сохранять членов ее, еще не поврежденных заразою, и путем страха, возбуждаемого в них тяжестию этого наказания, удерживать их от тех преступлений и пороков, которые навлекают его. Эта точка зрения дает себя здесь замечать самым ощутительным образом.

Все эти указанные мотивы и соображения, руководящие Церковию при определении наказания отлучения, в большинстве случаев соединяются между собою и все вместе действуют на

волю отлучающего. Но обстоятельства иногда слагаются так, что одна цель берет перевес над другой, причем эта последняя отступает на задний план, так что из двух или трех целей достигается только одна [1].

В заключение всего сказанного нами сделаем общий вывод и дадим общее понятие о церковном отлучении. Соединив все, что доселе сказали мы о сущности и значении отлучения, в одно общее представление, мы получим такое определение его: оно есть *отторжение от внешнего и внутреннего общения с Церковию*, основанное на естественном и Божественном праве, *совершенное лишение всех средств ко спасению, приобретенных в св. Крещении, отсечение* от живого тела Иисуса Христа и *низведение отлученного в состояние неискупленного человека*; оно есть *самое тяжкое из всех церковных наказаний, употребляемое с целию исправить виновного, поддержать честь и достоинство церковного общества и предотвратить от прочих членов его опасность соблазна и заразы.*

---

[1] Слич. Духовный Регламент, стр. 38, пункт 16.